

Часть II ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ О НЕКРАСОВЕ И БЕЛИНСКОМ

Глава первая

«ПРИШЛЮ СТАТЬЮ О ЯРОСЛАВСКОМ ТЕАТРЕ...»

Летом 1841 года Некрасов приехал в родные места на свадьбу сестры Елизаветы. Венчанье, в церемонии которого Некрасов был свидетелем со стороны невесты,¹ состоялось 27 июля. А 29 июля скоропостижно скончалась мать поэта Елена Андреевна.

Три года жизни в Петербурге были важнейшим и самым трудным периодом в его литературной и личной судьбе. Некрасов приехал в Ярославль уже достаточно опытным журналистом, известным поэтом и прозаиком, драматургом и критиком. Собственно драматургическая деятельность Некрасова (не считая первых драматических опытов 1840 года, которые не предназначались для большой сцены и печати) началась в 1841 году, который в этом плане следует считать наиболее продуктивным на всем его творческом пути.

Еще до приезда в Ярославль были напечатаны водевильные сцены «Утро в редакции» (Литературная газета. 1841. 4 и 6 февраля). В апрельской книжке «Репертуара русского театра» 1841 года была напечатана некрасовская водевильная переделка повести В. Т. Нарезного «Невеста под замком» под заглавием «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь». 24 апреля этот водевиль был поставлен в Александринском театре и стал «блистательнейшим дебютом Некрасова в качестве водевилиста».² 2 мая того же года на сцене Александринского театра был поставлен его водевиль «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке».

Еще до отъезда в Ярославль молодой драматург завершил и сдал в печать оригинальный водевиль «Актер» и переводной — «Вот что значит влюбиться в актрису!». Первый был напечатан в приложении к № 8 «Текущего репертуара русской сцены» 1841 года и 13 октября поставлен в Александринском театре. Второй поставлен в

¹ См.: Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф. 213 (Ярославское дворянское депутатское собрание), оп. 1, ед. хр. 504, л. 14. Указано Ю. Н. Трыковым.

² Вольф А. И. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. СПб., 1877. Ч. 1. С. 93.

том же театре 10 ноября и напечатан в декабрьском номере «Репертуара русского театра» 1841 года.

В Ярославле Некрасов поселился отдельно от отца, «на углу Стрелецкой улицы в доме Чапахина» (Н12, X, 28), и не торопился с отъездом в Петербург. «Положение мое теперь таково,— писал он Ф. А. Кони 16 августа 1841 года,— что мне собственно для себя незачем торопиться в Петербург, присутствие мое дома гораздо нужнее. <...> Отец мой постоянно болен; братья еще малы; все это могло бы удержать меня здесь надолго, но дело в том, что здесь мне скучно, и я готов возвратиться в Петербург при первой видимой возможности существовать там безбедно» (Н12, X, 27).

Внезапный отъезд Некрасова из Петербурга, как уже говорилось в первой части книги, осложнил его отношения с редактором журнала Ф. А. Кони. Чтобы вернуться в Петербург, нужно было иметь гарантию на получение постоянной работы или достаточно большой запас готовой литературной продукции. В этот короткий (около пяти месяцев) ярославский период Некрасов много и увлеченно работает. Дописывает водевиль в двух актах «Рыжий человек», начатый, по видимому, еще в Петербурге (Н12, X, 28). О дальнейшей судьбе этого не дошедшего до нас произведения пока ничего не известно.

В письме к Ф. А. Кони из Ярославля от 25 ноября 1841 года Некрасов писал: «Я послал Краевскому „Опыт<ную> женщину“, а денег за нее просить совещусь, потому что предварительно об этом не говорил...» (Н12, X, 31). Эта повесть Некрасова — первая его публикация в «Отечественных записках». Она напечатана в октябрьской книжке журнала Краевского, прошедшей цензуру 30 сентября того же года. Прижимистый А. А. Краевский не торопился платить, очевидно, имея в виду журнальный обычай того времени: за первое произведение начинающего автора гонорар не выплачивался.

В. Е. Евгеньев-Максимов отметил, что в «Опытной женщине» «несколько страниц было посвящено описанию организованного в провинции — по всей вероятности, в Ярославле — любительского спектакля, притом неопытные и бесталанные любители из среды местных чиновников и помещиков вздумали „наложить руку на Шекспира“, т. е. разыграть трагедию „Ромео и Джульетта“. Нечего и говорить, исполнение их было таково, что драму Шекспира можно было бы принять за комедию».³

Это замечание исследователя осталось незамеченным другими некрасоведами. А между тем оно требует развития: есть все основания утверждать, что «Опытная женщина», имеющая подзаголовок «Повесть из провинциального быта», — «ярославская» повесть. Она отражает личный опыт и наблюдения писателя над жизнью ярославского «общества» летом 1841 года.

³ Евгеньев-Максимов В. Е. и др. Некрасов и театр. Л.; М., 1948. С. 6.

Подобно автору, герой повести Зеницын, живущий уже пять лет в Петербурге, приехал в родной уездный город "" (провинциальность губернского Ярославля усилена автором повести). Зеницын скучает в обществе земляков, даже с бывшим своим приятелем по гимназии, и не намерен долго задерживаться здесь. Основные события повести происходят в августе—сентябре, очевидно, в то самое время, когда писалось это произведение. Есть в повести и ярославская примета — село Вахрушево (Н15, X, кн. 2, с. 371).⁴

Можно предположить, что в Ярославле написан и водевиль Некрасова «Дедушкины попугаи» — переделка водевиля Н. И. Хмельницкого «Бабушкины попугаи». Это произведение было передано в цензуру режиссером Александринского театра Н. И. Куликовым 2 ноября 1841 года и поставлено на сцене театра 1 декабря 1841 года (Н15, VI, 695).

Из письма к Кони от 25 ноября 1841 года мы узнаем, что Некрасов работает над повестью «Антон» (будущая «Повесть о бедном Климе»), какой-то «драмой в четырех актах», которой он недоволен, и еще одним «водевилем в 3-х актах» (Н12, X, 30—31).

Разумеется, Некрасова не могла не интересовать театральная жизнь Ярославля. В процитированном выше письме к Кони от 25 ноября 1841 года Некрасов сообщает: «На днях здесь откроют театр, вновь выстроенный. Идет „Синичкин“. Пришлю статью, также и о концерте, что был здесь вчера...» (Н12, X, 31).

Некрасов написал статью о ярославском театре и по приезде в Петербург в декабре 1841 года отдал ее Кони для публикации в «Пантеоне». Дела этого журнала шли плохо. После отъезда Некрасова, выпустившего пятую книжку журнала в июле 1841 года, в Ярославль до конца года не вышло ни одного номера «Пантеона». Подготовленный без Некрасова шестой номер вышел только в начале 1842 года. Ф. А. Кони был вынужден, как уже говорилось, отказаться от редактирования журнала на 1842 год, и это издание слилось с «Репертуаром» под названием «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров» и редакцией В. С. Межевича и И. П. Песоцкого. Не вышедшие в 1841 году номера «Пантеона» выпускались в течение всего 1842 года.

Статью Некрасова о ярославском театре Кони включил в № 7 «Пантеона» 1841 года. Однако в последний момент по не известным нам причинам редактор был принужден ее исключить из номера. В оглавлении к «Текущему репертуару» этой книжки, разрешенной цензурой 25 марта 1842 года, есть название «Ярославский театр — Н. П-го». К этому пункту оглавления редакция поместила следующее примечание: «Упомянутая в оглавлении седьмого номера „Текущего

⁴ Это же название встречается в стихотворении Некрасова 1844 года «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна», в основе которого также личные впечатления автора от поездки в Ярославль в 1841 г.

репертуара" статья „Ярославский театр" не могла быть напечатана по не зависящим от редакции обстоятельствам» (Н12, IX, 830).

Все попытки исследователей разыскать какие-либо следы этой статьи оказались безуспешными — она, очевидно, утрачена. Остается, однако, возможность восстановления содержания этой статьи, основанной на тщательном изучении жизни ярославского театра интересующего нас периода и обстоятельств пребывания Некрасова в Ярославле в то же время. Однако приступив к этой работе, я скоро убедился, что поиск материалов не может быть ограничен 1841—1842 годами...

***

История ярославского театра, основанного в 1750 году Ф. Г. Волковым, достаточно подробно изучена и освещена в специальной книге М. Н. Любомудрова.⁵ Немалое количество работ посвящено и различным аспектам проблемы «Некрасов и театр». До сих пор, однако, нет специальной работы, рассматривающей достаточно подробно связи Некрасова с театром его родного города: с одной стороны, влияние ярославского театра на формирование личности и творчества великого писателя, а с другой — роль Некрасова-драматурга и критика в истории этого театра. В книге М. Н. Любомудрова имя Некрасова не упоминается. В коллективной монографии В. Е. Евгеньева-Максимова и его учеников «Некрасов и театр» (Л.; М., 1948) этому вопросу посвящено одно примечание с изложением тех немногих сведений, которые исследователям удалось собрать к тому времени.

Ряд новых важных данных по интересующей нас проблеме собран в академическом Полном собрании сочинений и писем Некрасова. Эти материалы (я буду еще к ним обращаться) опубликованы в комментарии к «Трем странам света» и «Мертвому озеру», «одному из первых в России театральных романов» (Н15, 10, кн. 2, 259).⁶

Семья отставного майора А. С. Некрасова — отца будущего поэта — поселилась, как известно, в своем родовом имении близ Ярославля в середине 1820-х годов. Среди местных помещиков первой трети XIX столетия было немало страстных любителей театра. В начале века князь Д. М. Урусов, содержавший домашний театр из крепостных актеров, устраивал в городе спектакли для всей ярославской публики. Землякам Некрасова была известна и актерская труппа «из дворни» помещика Обрескова.

К возвращению А. С. Некрасова с семьей на Ярославщину в городе уже существовал театр (деревянное здание на каменном фундаменте),

⁵ См.: Любомудров М. Старейший в России: Творческий путь Ярославского драматического театра. М., 1964. Далее кратко: «Любомудров».

⁶ Комментарий Б. А. Бессонова.

выстроенный в 1818—1820 годах местным архитектором-самоучкой П. Я. Паньковым, который был и владельцем этого здания.

Во второй половине 1820-х годов в Ярославле выступала кроме труппы Обрескова из крепостных актеров также профессиональная труппа Лисицына, бывшего актера московского театра.⁷

Впрочем, до конца 1820-х годов театр не пользовался большой популярностью среди ярославцев, переходя в антрепризу от одного содержателя труппы к другому. Оживлению театрального дела в Ярославле способствовало строительство тем же Паньковым летнего театрального здания в Рыбинске, городе, где каждое лето открывалась знаменитая Петровская ярмарка. По данным М. Н. Любомудрова, ярославский театр уже с 1821 года выезжал на лето в Рыбинск. Теперь антрепренеры были обязаны снимать внаем оба театральных здания — ярославское и рыбинское — с тем, чтобы зимой развлекать публику в губернском, а летом — в уездном театре. «Это было вызвано тем, — вспоминал Н. И. Иванов, „державший“ ярославский и рыбинский театры после Струкова и Соколова в середине 1830-х годов, — что на летний театр находилось гораздо больше охотников, нежели на зимний, так как Рыбинск в летнее время представляет из себя громадный торговый пункт и в нем гостит много приезжего народа, не скупающегося на удовольствия, а Ярославль — ординарный городишко с известным числом оседлых жителей, уделяющих на театр скудные остатки экономии».⁸

В 1830-е годы труппа ярославского театра состояла из бродячих профессиональных и лучших крепостных актеров, сдаваемых помещиками, владельцами домашних театров, как тогда говорили, в работу.

Вот как описывает труппу Лисицына 1820-х годов Н. И. Иванов — комический актер, известный провинциальный антрепренер, вступивший на ярославскую сцену в 1829 году: «Знаменитый актер из дворовых Обрескова Варнавий Иванович Караулов, каким-то образом освободившийся от крепостной зависимости и посвятивший себя всецело театру; комик-буфф Орлеанский, принадлежавший к дворне князя Урусова, и сын петербургского купца Михаил Яковлевич Алексеев, необыкновенный комик в жизни и злодей на сцене для каждой пьесы, в которой он исполнял какую бы то ни было роль. Кстати, нужно заметить, что в то крепостное время господа помещики, отпуская своих дворовых актерствовать у частного антрепренера, получали сами за них жалование, и ни один из этих подневольных не смел посягать ни на копейку, им же заработанную. Некоторые

⁷ См.: Любомудров. С. 25.

⁸ Иванов Н. И. Воспоминания театрального антрепренера. Исторический вестник. 1891. № 10. С. 74.

помещики в чайнии таких удобных доходов самолично занимались выработкой драматических талантов у своих крепостных»⁹.

Кроме названных актеров на ярославской сцене 1820—1830-х годов (до отъезда Н. А. Некрасова в Петербург летом 1838 года), выступали трагик Дмитриевский, начинавший на сцене Малого театра в Москве; комик П. К. Красовский и его жена Е. Ф. Красовская, актер и антрепренер И. И. Лавров, Михайлов, Немчинова, начинавшая еще в 1810-е годы у антрепренера Е. Глебова, Николаев, трагик Орлов, дебютировавший на петербургской сцене, Соловьева, Ширяев — бывший артист Московского Малого театра. Оркестр был составлен из крепостных музыкантов ярославского помещика Брянчанинова.

Материалов о работе театра в 1820—1830-е годы мало. «Ярославские губернские ведомости», начавшие выходить с 1831 года, чрезвычайно редко печатали театральные объявления. До нашего времени сохранилось всего несколько афиш¹⁰ ярославского театра интересующего нас периода.

А. С. Некрасов, отец поэта, человек малообразованный, питал все же некоторую слабость к искусству. В 1850-е годы, когда его материальное положение стало значительно лучше, чем в 1830-е, он обзавелся собственным оркестром. «Музыка,— писал он сыну Федору в конце 1857 года,— теперь составляет единственное мое удовольствие»¹¹. Елена Андреевна, мать поэта, по своему культурному уровню значительно превосходила мужа. Все это позволяет думать, что родители юного Некрасова посещали и ярославский театр и, вероятно, прививали любовь к театру своим детям.

Разумеется, наиболее богатыми впечатлениями должны быть последние театральные сезоны в ярославский период жизни будущего поэта. Этому могло способствовать и то обстоятельство, что в 1837—1838 годах А. С. Некрасов был ярославским капитан-исправником.

В сезон 1835—1836 годов, в бытность Некрасова в Ярославле, местные губернские ведомости регулярно оповещали публику о предстоящих спектаклях. Репертуар ярославского театра этого сезона (38 спектаклей) следующим образом проанализирован в упоминавшейся уже книге «Некрасов и театр»:

«Значительное большинство пьес, ставившихся на сцене ярославского театра, составляли комедии, комические или волшебные оперы.

⁹ Иванов Н. М. Указ. соч. С. 73—74.

¹⁰ Одна из них — 1813 года о представлении комедии „Говорун“ Н. И. Хмельницкого и оперы „Осмеянный скупец“—опубликована в названной книге М. Н. Любомудрова. В музее нынешнего Ярославского академического театра им. Ф. Г. Волкова хранятся еще две афиши—1833 и 1843 годов. Первая из них от 2 февраля 1833 года — приглашает зрителей на представление пьесы «Днепровская русалка».

¹¹ Архив села Карабихи, письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916. С. 48

Среди авторов выделяются Писарев („Поездка в Кронштадт“), Хмельницкий („Бабушкины попугаи“), Шаховской („Ломоносов, или Рекрут-стихотворец“, „Иван Сусанин“, „Федор Григорьевич Волков, или День рождения русского театра в Ярославле“), Кони („Муж в камине, а жена в гостях“) и т. д. Проникала на ярославский театр и мелодрама („Железная маска“, „Огненная палата, или Ужасный убийца“, „Людмила“ — по Жуковскому, „Двумужница, или За чем пойдешь, то и найдешь“ Шаховского и т. д.). Из псевдопатриотических драм, шедших на ярославской сцене, назовем сенсационную пьесу Кукольника „Рука всевышнего Отечество спасла“. Нечасто, но все же шли пьесы классического репертуара: „Ябеда“ Капниста, „Недоросль“ Фонвизина, „Разбойники“ Шиллера»¹².

Театральные критики 1840-х годов нередко иронизировали по поводу провинциальных театров, которые, не смущаясь своими скромными возможностями, смело брались за постановку классики. Один из путешественников, побывавших в 1839 году на представлении «Гамлета» в ярославском театре, так описывал этот спектакль: «Дмитревский неистовствовал <...> кричал и нередко вдруг останавливался среди речи, ожидая подсказывания суфлера. Он старался подражать Мочалову».¹³

Не исключено, что под влиянием ярославского театрального репертуара возникли и не дошедшие до нас первые драматические опыты Некрасова-гимназиста. Мне уже приходилось высказывать предположение, что отрывки из пародийной трагедии «Федотыч», включенные в повесть Некрасова «Без вести пропавший пиита» (1840), — переработанные в пародийном ключе произведения, которыми поэт «грешил» в гимназические годы (Н15, 7, 544).

В одном из фельетонов 1844 года, печатавшихся Некрасовым под сатирической маской Пружинина, его герой пишет о посещении Александринского театра: «Прелесть какую штуку чудесную видел — „Ненависть к людям и раскаяние“... Поверите ли: я еще вот не больше аршина... мальчишкой был... тогда уже видел... превосходная вещь!» (Н12, 5, 410). Комедию «Ненависть к людям и раскаяние» мы находим в «Репертуаре пьесам для представления на Ярославском публичном театре», утвержденном петербургским начальством еще в 1820 году¹⁴. В репертуаре этого же театра 1827 года¹⁵ и в следующем дошедшем до нас репертуаре 1842 года¹⁶ этой комедии уже нет. И хотя это вовсе не означает, что «Ненависть к людям...» не могла идти на сцене ярославского театра в 1830-е

¹² *Евгеньев-Максимов В. Е. и др.* Некрасов и театр. Л.; М., 1948. С. 5—6.

¹³ *Жданов М.* Путевые записки по России. СПб., 1843. С. 194.

¹⁴ См.: ГАЯО, ф. 73, оп. 2, ед. хр. 25, л. 3.

¹⁵ См.: Там же. Л. 38.

¹⁶ См.: ГАЯО, ф. 73, оп. 1, ед. хр. 3451, л. 9—15.

годы,— у нас есть основания допустить, что Некрасов-Пружинин вспоминает спектакль, виденный им в пяти-шестилетнем возрасте.

В одной из глав романа «Три страны света» (1848—1849) описывается убранство трактира, на стене которого висят гравюры, «изображающие некоторые сцены из „Душеньки“, похождения Женевиэвы, королевы Брабантской...» (Н15, 9, кн. 1, с. 356). Б. А. Бессонову, автору комментария к этому произведению в академическом издании Некрасова, удалось разыскать несколько гравюр, иллюстрирующих известную французскую легенду (Н15, 9, кн. 2, с. 359—360). Этот комментарий можно дополнить: гравюра на сюжет «Женевиэвы...», несомненно виденная Некрасовым, была им, так сказать, атрибутирована и запомнилась, возможно, потому, что в юности он видел драму А. П. Поморского «Женевиэва Брабантская, или Жертва клеветы и ревности» (1825). В упомянутом выше репертуаре ярославского театра 1842 года, который в значительной степени унаследовал и репертуар этого театра 1830-х годов, это произведение присутствует под № 34 в разделе «Драмы». В разделе «Трагедий» этого же репертуара под № 10 стоит «Эдип в Афинах» В. А. Озерова, стихи из которой по памяти цитируются автором в романе 1851 года «Мертвое озеро» (см.: Н15, 10, кн. 1, 421).

Ярославский театральный сезон 1836—1837 годов был, как уже говорилось, последним и наиболее насыщенным сценическими впечатлениями для юного Некрасова. В эту пору руководство труппой взял на себя М. Я. Алексеев, пришедший на ярославскую сцену еще в начале 1830-х годов. «Михаил Яковлевич Алексеев,— пишет соперничавший с ним антрепренер Н. И. Иванов,— был большим любителем сцены, из-за которой претерпевал довольно продолжительное время бедствия и крайнюю нужду, но актером был положительно невозможным. Он еще в юности, но будучи уже женатым, убежал от своего отца, покинув жену с ребенком, и пристроился к ярославскому театру, в котором переходил с рук на руки, от одного антрепренера к другому. Жалованье, разумеется, он получал мизерное, на которое едва можно было существовать. Отец же его имел громадное состояние, доходившее чуть не до миллиона, но, недовольный поведением сына, старик не помогал ему ни копейкой, хотя приютил у себя его соломенную вдову с маленькой дочерью».¹⁷

История сохранила любопытное свидетельство очевидца о ярославском театре, относящееся к сезону 1836—1837 годов. Я имею в виду статью «Ярославский театр», помещенную в июльской книжке «Пантеона» за 1840 год с подписью «Ф. Майков». Приступая к своему иронически-элегическому повествованию, автор писал о труппе театра: «Она не имеет постоянного пребывания в Ярославле и

¹⁷ Исторический вестник. 1891. № 10. С. 75.

принадлежит к числу странствующих. Бог знает, куда девается она летом. Только наступит весна, означенная труппа выступает из Ярославля чинно, тихо, безмятежно... Только первый снег возвестит наступление зимы,— она вновь появляется неизвестно откуда, каким путем, как снег на голову».¹⁸

Лучшим комическим актером театра автор статьи называет Михайлова, который, по его мнению, играет Городничего в гоголевском «Ревизоре» едва ли не лучше петербургских актеров. Весьма высоко оценивается и трагик Орлов, прошедший школу петербургского и московского театров: «Есть минуты увлечения, заставляющие подозревать в нем дарование». «Неестественная дикция, дикий необузданный рев, который только в припадке бешенства или в отчаянную минуту неминуемой гибели может вырваться из груди человека, портят его игру,— замечает далее Ф. Майков.— Он до того кричит, что несколько дней сряду после представления, в котором участвовал, в ушах многих зрителей раздается шум, похожий на вой бешеного волка или на стон бедной индейки, сжигаемой на малом огне за то, что имела несчастье лишиться своего супруга».¹⁹

Далее автор рассказывает анекдот об Орлове, который однажды, «прокричав пять актов „Гамлета“», не мог произнести ни слова в водевиле, пока ему не принесли сырое яйцо.

Одобрительные характеристики Ф. Майкова получили супруги Красовские, Орлеанский. Весьма пренебрежительно автор отозвался об игре Иванова, Николаева, Немчиновой, давно перешагнувшей возраст для амплуа молодых любовниц.

«Нет нужды перечислять пьесы, которые играют в Ярославле,— писал далее автор статьи,— главнейшее свойство наших провинциальных театров — самоуверенность и отважность. Они, не справляясь со средствами, ставят самые трудные пьесы; из этого можно догадаться, что в репертуар Ярославского театра вошло все, что имело успех в столицах.

Ярославский театр несчастнее многих провинциальных театров. В нем никогда не было ни одного знаменитого артиста из Москвы или Петербурга. Один только раз публика была обольщена такой приятной надеждой, но заплатила за нее полным разочарованием. Содержатель распустил слух, что к нему будут из Москвы „знаменитые Долинские, пользующиеся европейской известностью“. Кто не знал — поверил; в городе заметно было всеобщее волнение, ждали с нетерпением; наперед требовали билетов. Наконец появилась

¹⁸ Майков Ф. Ярославский театр: Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. № 7. Отд. «Провинциальные театры в России». С. 107.

¹⁹ Там же. С. 107.

афиша. Объявлена „Жизнь игрока“ и крупными буквами напечатано: роль Игрока будет играть актер Императорского Московского театра Долинский, а роль Амалии — г-жа Долинская. Театр был полон, разочарование было тоже полно и ужасно. Право, так шутить с публикой не годится. Эти актеры на московском театре из первых с конца, в Ярославле они пользуются „европейской известностью“²⁰.

Публикация Ф. Майкова была открыто направлена против статьи водевилиста Н. А. Коровкина о ярославском театре, только что напечатанной в «Северной пчеле»²¹. Коровкин делился «с фельетонистом» своими впечатлениями о спектакле ярославского театра, который он видел в Рыбинске 29 мая 1840 года. Он высоко оценил игру Орлова («лучший провинциальный трагик»), Иванова. «Недостаток живости» в игре других актеров Коровкин извинял следующим образом: «приезд петербургского водевилиста привел их в видимое замешательство».²²

Ф. Майков иронизировал над «каким-то Коровкиным», который превозносил талант Орлова и кичился своей «афишечной известностью», да что-то неизвестен в Петербурге.

Этот-то выпад и стал причиной «разоблачительного» письма в редакцию «Репертуара русского театра» — журнального союзника «Северной пчелы». Ф. Майков дал для этого весьма серьезный повод. Дело в том, что, как показал *Коренной ярославец* (так подписана статья в «Репертуаре»), Ф. Майков выдавал за свежие впечатления воспоминания о сезоне 1836—1837 годов, подновив их почерпнутыми из «Северной пчелы» сведениями о том, что труппа ярославского театра управляется теперь не Алексеевым, а Орлеанским.

Однако со сменой антрепренера произошли значительные перемены и в составе труппы: названные Ф. Майковым Михайлов, супруги Красовские, Николаев, недовольные произволом «бездарного трагического фигляра» Алексеева, забиравшего себе все лучшие трагические роли, оставили труппу Алексеева и уехали в другой город.

Коренной ярославец решительно утверждал, что «никто из почтенной фамилии Майковых» (очевидно, ярославских) не посылал в «Пантеон» статью о ярославском театре, а публикация «составлена самой редакцией с чьих-нибудь слов».²³

²⁰ Майков Ф. Указ. соч. С. 109.

²¹ *Коровкин Николай*. Ярославский театр (Письмо к фельетонисту «Северной пчелы») Северная пчела. 1840. 13 июня. № 131. С. 521—522.

²² Там же. С. 522.

²³ *Коренной ярославец*. Ярославский театр (Письмо к издателю «Репертуара»): Репертуар русского театра. 1841. № 2. Отд. «Современная хроника русских театров». С. 82—84.

Анализ статей о ярославском театре в «Пантеоне» и «Репертуаре» в сопоставлении их с фактами биографии Некрасова привел Б. Л. Бессонова к следующему выводу: «Не исключено, что псевдоним „Ф. Майков“ принадлежал Некрасову, ставшему в 1840 году постоянным сотрудником „Пантеона русского и всех европейских театров“. На это указывает не только анахронизм в характеристике ярославской труппы, налагающийся на дату отъезда Некрасова из Ярославля (июль 1838 г.), но и наличие фамилии Орлеанский как в антропонимике „Мертвого озера“, так и в рассматриваемой статье» (Н15, X, кн. 2, с. 259).

Догадка, высказанная Б. Л. Бессоновым, представляется весьма убедительной. В самом деле, в 1840 году Некрасов стал одним из основных сотрудников «Пантеона» и был помощником А. Ф. Кони по редакции этого журнала. Именно Кони в первое время подталкивал Некрасова писать для журнала в разных жанрах, — не только стихи. «На совет Кони писать прозой, — писал впоследствии В. П. Горленко, — Некрасов отвечал, что он решительно не умеет и не знает о чем писать. „Попробуйте на первый раз рассказать какой-нибудь известный вам из жизни случай, приключение“, — советует ему Кони. Предложение принято, изобретается для прозы псевдоним Перепельский <...> и в № 5 „Пантеона“ 1840 года появляется первый прозаический опыт Некрасова повесть „Макар Осипович Случайный“, где со всеми заурядными романтическими приемами того времени рассказывается драматическая история некоего чиновника Сл-ского, наделавшая в то время некоторого шума в Петербурге».²⁴

Творческая история статьи о ярославском театре могла быть аналогичной. Толчком для возникновения ее замысла была, очевидно, статья Коровкина в «Северной пчеле». В пользу авторства Некрасова говорит также и необычное для жанра театральной хроники художественное решение этой темы. В его же «пользу» говорит и факт неосмотрительности, допущенной в этой статье (то, что Б. Л. Бессонов назвал «анахронизмом») и свойственной молодому Некрасову. Вспомним рецензию Некрасова на несостоявшийся спектакль в Александринском театре и литературный скандал, который вызвала эта рецензия (Н12, IX, 461—462, 779). Впрочем, в данном случае основная вина падает на редактора, поместившего статью мемуарного характера в подборке заметок о современном состоянии провинциальных театров (Нижегородского, Воронежского, Казанского, Харьковского и Ярославского).

Конец 1830-х — начало 1840-х годов — трудное для ярославского театра время. Деревянное здание ветшало, театр не приносил дохода, труппа распадалась. Купцы и богатые горожане не были

²⁴ Горленко В. П. Литературные дебюты Некрасова. Отечественные записки. 1878. № 11. С. 151.

щедры на пожертвования для театра. Об отчаянном положении труппы Алексеева свидетельствует его обращение к ярославцам через газету в ноябре 1837 года. Антрепренер обратился к «почтеннейшей публике», — не угодно ли ей будет «для усовершенствования и поддержания театра и труппы» приобрести абонементы на ноябрь 1837 года, в течение которого обещал представить от 20 до 30 спектаклей. Обращение заключалось ультиматумом: «В случае непополнения воспомоществования от почтеннейшей публики <...> намерен уехать с труппой в город Кострому».²⁵

Коренной ярославец — автор упоминавшейся уже здесь статьи о ярославском театре в «Репертуаре» — по-своему объяснял причину непопулярности театра в городе: «В Ярославле так много веселостей в самом обществе, что не находят времени ездить в театр, да и, правду сказать, любителей вовсе нет».²⁶

У меня нет сведений о работе ярославского театра в сезоны 1837—1838 и 1838—1839 годов. Вероятнее всего, осенью 1837 года Алексееву не удалось получить поддержку от ярославских любителей театра, и он был вынужден увести труппу или часть ее в Кострому.

В 1839 году умер отец Алексеева, оставив ему все свое состояние. Как рассказывает Н.И. Иванов, перед отъездом в Петербург для получения наследства Алексеев устроил вечер для труппы, на который пригласил и владельца ярославского и рыбинского театров Панькова. Здесь Алексеев договорился о покупке у Панькова обоих театральных зданий. Иванову он поручил режиссуру, пообещав повысить жалованье всей труппе. На лето, как утверждает Иванов, труппа переехала в Рыбинск, в театр, уже перешедший в руки Алексеева, и ждала его возвращения.

Иванов ошибочно относит эти события к «началу тридцатых годов».²⁷ Дату помогает уточнить ярославский краевед, историк этого театра С. Серебренников. Он сообщает, что в 1839 году «санктпетербургский купец» М. Я. Алексеев купил у Панькова театр, пришедший в ветхость, «сломал его и, не щадя ни средств, ни издержек, на том же месте выстроил новый каменный, очень хорошей архитектуры».²⁸

Однако в 1839 году состоялась, очевидно, только принципиальная договоренность Алексеева с Паньковым. Переход обоих театров в

²⁵ Ярославские губернские ведомости. 1837. 5 ноября. № 45. Приложение. С. 682.

²⁶ Репертуар русского театра. 1841. № 2. С. 84.

²⁷ Исторический вестник. 1891. № 10. С. 75.

²⁸ С. С. <серебренников>. История театра в Ярославле// Ярославские губернские ведомости. 1842. 16 января. № 3. С. 13.

руки Алексеева и начало строительства относится к 1840 году. В Государственном архиве Ярославской области сохранилось «Дело по просьбе санктпетербургского 3-й гильдии купца Михаила Алексеева о дозволении ему перестроить Рыбинский театр».²⁹ Оно начато 5 ноября 1840 и окончено 30 мая 1841 года. В деле содержится и тонированный красками фасад нового рыбинского театра (деревянное здание).

Статья «Ф. Майкова» вышла в тот самый момент (июль 1840), когда Алексеев вел переговоры с Паньковым, а может быть, уже и купил театры с тем, однако, условием, чтобы труппа Орлеанского, арендовавшая их на сезон 1839—1840 годов, могла использовать рыбинскую сцену до осени 1840 года.

Намерения Алексеева вызвали, я полагаю, какое-то противодействие со стороны Орлеанского. Именно поэтому статья сочувствующего Орлеанскому *Коренного ярославца* (им мог быть Н. И. Иванов или сам Орлеанский), о которой уже говорилось выше, была направлена не только против «Ф. Майкова», но и против «бездарного трагического фигляра» Алексеева, который объявлялся «причиною всех беспорядков» сезона 1836—1837 годов.³⁰

Замысел Алексеева был таков: в течение зимнего сезона 1840—1841 годов, пока перешедшая в его руки труппа будет работать в старом здании ярославского театра, к летнему сезону 1841 года выстроить новое деревянное здание в Рыбинске. В течение лета 1841 года — до начала зимнего сезона — выстроить новое каменное здание в Ярославле. Алексееву удалось выполнить эту задачу.

Осенью 1841 года он приехал в Рыбинск, получил отчеты и велел труппе под началом Иванова ехать в Ярославль, а сам, как пишет Иванов, снова уехал в Петербург по каким-то своим делам. Вернувшись вскоре, он, по словам Иванова, «желая пострадать» актеров и отказаться от обещанной прибавки к жалованью, распространил слух, что набрал в Петербурге новую труппу, а старую, ярославскую, намерен распустить. Тогда Иванов и его труппа, оскорбленные поведением Алексеева, приняли приглашение известного откупщика-мецената В. А. Кокорева переехать в Вологду и выступать в его особняке, перестроенном под театр.³¹

С Ивановым, однако, ушла не вся труппа, насчитывавшая в 1840 году около 40 человек.³² В театре Алексеева остались актеры, работавшие у него до 1837 года: супруги Бешенцовы, Громов,

²⁹ ГАЯО, ф. 73, оп. 1, ед. хр. 3234.

³⁰ См.: Репертуар русского театра. 1841. № 2. С. 83—84.

³¹ См.: Исторический вестник. 1891. № 10. С. 76.

³² См.: Северная пчела. 13 июня. № 181. С. 521.

супруги Красовские, Немчинова, супруги Орловы, Поляков, Соловьева. Алексееву удалось залучить к себе и кое-кого из столичных театров. В этом году влились в труппу супруги Завидовы и московская танцовщица Кузнецова.

В это же время в ярославскую труппу пришли супруги Ланские и Ленские (провинциальные), вслед за которыми в 1843 году у Алексеева дебютировала «девица Косицкая» — знаменитая впоследствии Л. П. Никулина-Косицкая.³³

Назову еще ряд новых актеров, работавших в ярославском театре в 1846 году,— некоторые из них могли появиться в труппе Алексеева уже в сезон 1841—1842 годов: Александров, супруги Барышевы, Васильев, Голованов, Епифанов, Муравьевы (1-й и 2-й), П. В. Самойлов (из знаменитой династии Самойловых), Семенова, Славин (провинциальный), супруги Смирновы, Степанов.

Рождение нового театра, театра Алексеева, совпало с пребыванием Некрасова в Ярославле.

Можно, вероятно, не сомневаться, что он бывал в новом ярославском театре не только как зритель, но и как профессиональный драматург: познакомился с Алексеевым и его труппой, с репертуаром театра и условиями его работы.

Краткая информация об открытии нового ярославского театра была помещена в первой книжке «Репертуара русского и Пантеона всех европейских театров». Привожу ее текст, имеющий заголовок «Ярославский театр»: «Нам сообщают из Ярославля известия о вновь открытом там 27-го ноября театре, построенном санктпетербургским купцом Михаилом Яковлевичем Алексеевым,— без всяких корыстных видов, из чистой любви к искусству. Постройка театра начата в 1841 году, и весь он поспел в шесть месяцев. Зала вмещает в себе 74 кресла, до 80-ти мест за креслами, два яруса лож, устроенных без колонн, и над ними галерею и парадиз. Полный сбор простирается до 1000 рублей асс. Для открытия театра г-н Алексеев со всею труппою своею, состоящею человек из двадцати, на сцене пропел народный гимн, и затем начался спектакль. Давали водевиль „Лев Гурыч Синичкин“. На следующий день представлена драма „Иголкин“ и водевили „Дом на петербургской стороне“ и „Представление французского водевиля в русской провинции“. 30-го числа давали драму „Стенька Разин“. В труппе г-на Алексеева хвалят комика Громова, артиста Орлова, трагика Полякова и актрису Со-

³³ См.: *Никулина-Косицкая Л. П.* Записки артистки Императорских Московских театров// Русская старина. 1878. № 2. С. 281—304; № 4. С. 609—624.

ловьеву. На Ярославском театре есть и танцовщица с Московского театра г-жа Кузнецова, танцевавшая в одном спектакле качучу. Но всего достойнее удивления, что труппа г-на Алексеева ставит оперы: к декабрю она приготавливала „Цампу“ и, мало того, намерена приступить к постановке „Роберта“.³⁴

Есть основания полагать, что эта анонимная заметка принадлежит Некрасову и была кратким вариантом статьи, не пропущенной в «Пантеоне». Некрасов в течение 1841 года напечатал в «Репертуаре» водевиль «Шила в мешке не утаишь» (№ 4), куплеты из водевиля «Вот что значит влюбиться в актрису!» (№ 12). Другие публикации Некрасова в преобразованном «Репертуаре и Пантеоне» 1842 года неизвестны. Тогда же он писал исключительно для «Литературной газеты», где, как уже говорилось, в гл. 3 первой части книги вместе с Кони указывал, в частности, на ошибку «Репертуара и Пантеона» при упоминании фамилии владельца ярославского театра. Несколько стихотворений Некрасова помещены в первой книжке «Репертуара и Пантеона» 1843 года. Трудно предположить, что редакция «Репертуара и Пантеона» упустила возможность воспользоваться информацией своего сотрудника, лично побывавшего в ярославском театре, и заказала кому-либо другому заметку о его открытии.

Начало работы нового ярославского театра было доброжелательно отмечено в «Москвитянине».³⁵ Упомянутая уже статья ярославского краеведа Серебренникова, посвященная главным образом истории ярославского театра со времен Волкова, также содержала описание театра Алексеева. «По общему признанию,— писал в заключение Серебренников,— нынешний театр в Ярославле есть один из лучших в провинции...»³⁶

Значительный интерес не только для истории театра, но и для тех, кто изучает жизнь и творчество Некрасова, может представлять «Репертуар играющим пьесам на Ярославском собственном театре содержателя рыбинского купца Михаила Яковлевича Алексеева» 1842 года.³⁷ Он несомненно отражает и репертуар сезона 1841—1842 годов. Этот документ уже привлекал внимание театроведов и

³⁴ Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров. 1842. № 1 (ценз. разр. 1 января 1842). Отд. V («Драматический телеграф. Разные известия, толки и слухи»). С. 66.

³⁵ См.: А. З(иновьев). Открытие нового театра в Ярославле (Письмо к издателю)// Москвитянин. 1842. № 1. С. 323—325.

³⁶ Ярославские губернские ведомости. 1842. 16 января. № 3. С. 13.

³⁷ См.: Дело по предписанию Министра внутренних дел о доставлении сведений о театре и театральных пьесах. Начато 19 ноября 1842 г., окончено 25 мая 1843 г. (ГАЯО, ф. 73, оп. 1, ед. хр. 3451, л. 1—15).

проанализирован, в частности, в упоминавшейся нами книге М. Н. Любомудрова.³⁸ Репертуар включает практически всю драматургию столичных театров 1830 — начала 1840-х годов.

В нем 13 трагедий, 57 драм, 17 опер, 22 комедии и 144 водевиля. Последний из названных жанров в первой половине 1840-х годов пользовался особой популярностью у ярославских театралов. «Водевиль идет иногда так,— писал о ярославском театре в 1846 году „Репертуар и Пантеон“,— как дай бог, чтоб и везде так играли. Он имеет много актеров, которые заставляют забывать даже, что вы сидите в креслах провинциального театра».³⁹

Назову авторов водевилей, входивших в репертуар ярославского театра в 1842 году: Н. М. Аничков, А. К. Беер, А. М. Булгаков, В. Годунов, П. Г. Григорьев, П. И. Григорьев, Ф. К. Дершау, П. А. Каратыгин, Ф. А. Кони, Н. А. Коровкин, Д. Т. Ленский, В. И. Орлов, М. И. Писарев, Н. А. Полевой, Н. С. Соколов, С. В. Соловьев, Н. С. Тиханов, П. С. Федоров, Н. И. Филимонов, Н. И. Хмельницкий, А. А. Шаховский, Д. Шепелев.

Среди водевилей — три произведения Некрасова-Перепельского: «78. „Шила в мешке не утаишь“; в 2-х картинах, соч. Н. А. Перепельского...

89. „Актер“; соч. Н. А. Перепельского...

118. „Кукареку, или Бабушкина курочка“; переведен гг. П-ским и П-ш-ъ».

Конечно, водевили Некрасова, особенно те, что были напечатаны в петербургских журналах, как и все прочие, могли включаться Алексеевым в его репертуар и без переговоров с самим автором. Но каким образом получил Алексеев «Волшебное кокорику»? Репертуар ярославского театра с указанными водевилями Некрасова был отправлен на одобрение А. Х. Бенкендорфу с донесением ярославского губернатора от 21 января 1843 года.⁴⁰ Он составлялся содержанием театра соответственно в декабре 1842 — первой половине января 1843 годов. Между тем, как известно, «Волшебное кокорику» было разрешено к постановке в Москве 19 ноября 1842 года и впервые поставлено там 4 декабря 1842 года. В Петербурге эта пьеса была впервые играна 4 октября 1843 года (Н15, 6, 713—714).

Сопоставление этих дат подводит меня к предположению, что Алексеев получил «Волшебное кокорику», не печатавшееся при жизни Некрасова, от самого автора тотчас же после завершения водевиля. Впрочем, не исключено, что работа над этим водевилем, начатая «не ранее конца марта 1841 года» (Н15, 6, 713), могла быть за-

³⁸ См.: Любомудров. С. 42.

³⁹ К-ъ А-й. Ярославский театр: Репертуар и Пантеон. 1846. № 10. Отд. «Провинциальные театры». С. 24.

⁴⁰ См.: ГАЯО, ф. 73, оп. 1, ед. хр. 3451, л. 8.

вершена Некрасовым еще во время пребывания его в Ярославле осенью 1841 года. Криптоним соавтора Некрасова «П-ш-ъ», как он зафиксирован в репертуаре Алексева, тоже заслуживает внимания специалистов. В других источниках не выясненное до сих пор имя соавтора Некрасова обозначено И. Ш-ъ» (Н15, 6, 714). Таковы факты, необходимые для реконструкции утраченной статьи Некрасова «Ярославский театр».

***

Современный, постоянно обновляющийся репертуар, хорошо поставленное театральное дело существенно укрепили положение нового ярославского театра, руководимого в 1840-е годы Алексевым. Столичные журналы не баловали его своим вниманием, но когда обращались к ярославскому театру — писали о нем с большим уважением. Так, в 1846 году корреспондент «Репертуара и Пантеона», просмотревший несколько спектаклей ярославского театра, писал: «Признаться, при самом входе в этот храм Мельпомены я был приятно поражен его опрятностью; освещение, отделка и чистота, в какой его содержат,— примерны. <...> Надобно отдать справедливость содержанию этого театра г-ну Алексеву, он не щадит ни стараний, ни издержек; было бы хорошо — вот, кажется, его девиз. Нельзя вместе с тем не пожалеть, что публика здешняя остается совершенно равнодушна ко всем его усилиям. Редко-редко когда театр бывает полон».⁴¹

В числе лучших актеров ярославской труппы К. Доводчиков называет П. К. Красовского, «комика с замечательным дарованием», «девицу Косицкую» (Л. П. Никулину-Косицкую), имевшую большой успех в роли Михаэлы в пьесе г. Зотова «Дочь Карла Смелого».⁴²

Судя по найденному мною в Центральном государственном историческом архиве (С.-Петербург) репертуару ярославского театра на 1843 и 1848 годы, присылавшемуся в цензурную экспедицию 3-го Отделения, этот репертуар кроме водевилей Некрасова, включенных в него в 1842 году, пополнился другими: «Вот что значит влюбиться в актрису», «Материнское благословение».⁴³

Из статьи 1846 года, подписанной «А-й К-ъ» (о ней уже говорилось в этой книге), известно, что в 1846 году с большим успехом

⁴¹ Доводчиков К. Театр в Ярославле: Репертуар и Пантеон. 1846. № 6. С. 49.

⁴² См.: Там же. С. 51.

⁴³ См.: ЦГИА, ф. 780, оп. 2, ед. хр. 42, л. 3—6, 9—15. Известно, кстати, что в «Материнском благословении» в эти годы особенно успешно выступала Косицкая (Русская старина. 1878. № 1. С. 65).

в Ярославле шел водевиль Некрасова «Актёр». Автор говорит об одном из наиболее талантливых артистов труппы Алексеева молодом Барышеве: «Более всех он нравится в водевилях: „Актёр“, в роли Стружина, Пинерского в „Комедии с дядюшкой“; Субботина в водевиле „Дом на Петербургской стороне“; Охова в „Двое за шестерых“; Хлестакова в „Ревизоре“...»⁴⁴

Публикация особо отмечает и девицу Косицкую: «Не обладая счастливой наружностью, она зато чарует публику своим прелестным чистым, серебряным контральто. Диапазон его хоть невелик, но, признаюсь откровенно, природа немногих наделяет таким редким голосом. Русские песни она поет так, как дай бог слышать подобное пение и посетителям столичных театров. Она исправляет должность примадонны, а потому на нее возлагаются все первые известные роли в операх...»⁴⁵

В 1848 году Алексеев умер. Его вдова сдавала театр в аренду антрепренерам Н. И. Иванову, помещику Ваксману, И. И. Лаврову, Соловьеву, соперничавшим между собой. Доверенным лицом Алексеевой, по свидетельству Н. И. Иванова, был бывший виолончелист труппы Алексеева В. А. Смирнов, который занял теперь место кассира. Женившись на дочери Алексеева Фекле Михайловне, он вскоре стал владельцем ярославского и рыбинского театров, их антрепренером и режиссером.⁴⁶ При нем ярославский театр возобновил постановку некрасовских водевилей «Актёр», «Волшебное кокорику» и «Шила в мешке не утаишь», выпавшие из репертуара после смерти Алексеева. Об этом свидетельствует репертуар театра, присланный в Третье отделение весной 1858 года.⁴⁷

Я уже упоминал об указанном Б. Л. Бессоновым факте использования Некрасовым фамилии ярославского актера и антрепренера Орлеанского в романе «Мертвое озеро». В заключение отмечу другое наблюдение того же исследователя: фамилию одного из актеров труппы Орлеанского, Бешенцова, носит и герой романа Некрасова «Три страны света» — бездарный спившийся актер (Н15, 9, кн. 1, 150—151; кн. 2, 350). Ярославский Бешенцов некогда пел в петербургской опере. В труппе Орлеанского он «с успехом» занимал амплуа комика.⁴⁸ В труппе Алексеева Бешенцов, как вспоминала Л. П. Никулина-Косицкая, вновь занял место оперного артиста.⁴⁹

⁴⁴ Репертуар и Пантеон. 1846. № 10. С. 25.

⁴⁵ Там же. С. 26—27.

⁴⁶ См.: Исторический вестник. 1891. № 10. С. 84.

⁴⁷ См.: ЦГИА, ф. 780, оп. 2, ед. хр. 42, л. 43—55.

⁴⁸ См.: Северная пчела. 1840. 13 июня. № 131. С. 522.

⁴⁹ См.: Русская старина. 1878. № 2. С. 304.